

но) выросла за эти годы с 14% до 34%, т.е. более чем вдвое. Все же счастливые преобладают.

Представленные выше данные и первые впечатления от сопоставления результатов двух исследований "человека советского" позволяют лишь представить некоторые возможности аналитической работы, которую надлежит проделать, чтобы оценить характер социально-антропологических изменений в условиях социальных перемен.

Ю.А.Левада

2. Социальный статус, культурный капитал, ценностный выбор: межпоколенческая репродукция и разрыв поколений

Устойчивость поколенческих противопоставлений в отечественной ситуации (навязчивая тематика и символика "отцов и детей") заставляет внимательней относиться к тем, достаточно частым в новейшей истории случаям, когда социальные сдвиги и культурная динамика опознаются в терминах поколения ("поколение 98-го" или "27-го года" в Испании) либо возраста ("Молодая Германия", "Молодая Италия", "Молодая Польша" и др.). В обыденной речи с поколенческими или возрастными метафорами связываются плохо рационализированные значения "нормального", "естественного" и "необратимого" движения — фаза за фазой — по некоей смысловой оси от ее "начала" к "концу". Иными словами, молчаливо подразумевается циклическая, чаще всего биологическая по смыслу, антропоморфная по форме и традиционалистская по функции модель мира, общества, культуры и пр. Понятно, что использовать такие маркировки в качестве средств своей работы социолог никак не может.

В социологии сложились два подхода к трактовке понятия "поколение". Сторонники "институционального" подхода считают поколением всех сверстников, которые практически одновременно включаются в ролевые структуры базовых социальных институтов (школа, армия, семья, трудовой коллектив и т.д.). Ключевой для социолога проблемой здесь выступает воспроизводство структуры общества, его институциональной системы — такова позиция Ш.Н.Айзенштадта*. Приверженцы "группового", или "элитного", подхода (в первую очередь К.Маннгейм**) именуют поколением ту часть сверстников, которая составляет их "цвет" и дает их массе "название и образ" — новый образец самопонимания. Главная проблема для социолога здесь — импульс динамики, механизм сдвига.

Мне бы хотелось наметить контуры несколько иного подхода. Близость путей развития названных выше стран в новейшее время позволяет предположить, что особая значимость возрастных и поколенческих категорий связана в них с особенностями содержания и структуры процесса модернизации, запоздалым разворачиванием урбанизации, технической революции, образовательных и культурных трансформаций, коренной перестройки символических систем, регулятивных структур поведения (от модернизации экономических и политических институтов здесь приходится отвлекаться). В таком случае трактовку смены поколений можно попробовать связать с этапами и уровнями этого крупномасштабного процесса, а постоянство противопоставле-

ния "старших" и "младших" — с нормативной жесткостью механизмов смыслоприписывания в данных культурах, в частности с устойчивостью самой группы носителей подобных традиционалистских представлений (для России, что также приходится оставлять в стороне, это "интеллигенция", которая в названии известного каждому по средней школе тургеневского романа дала и надолго, — формулу для опознания перемен в русском обществе*).

Речь далее пойдет о трех поколениях россиян, родившихся и социализированных в пореволюционную эпоху. "Старшие" ("деды") родились в своем большинстве в 20-е годы и социализировались в последнее предвоенное, военное и первое послевоенное время, ставив первое поколение советских людей, основу советского общества в его "классический" период — с конца 30-х до конца 50-х годов. "Средние" ("отцы") — в большинстве своем 40-х годов рождения. Они социализировались в 50—60-е годы, пережили период освобождения от государственного надзора и родительского страха перед террором, достигнув полной зрелости в эпоху застоя и разложения прежней структуры советского общества и составив опору реформистской политической мобилизации конца 80-х годов. "Младшие" ("дети"), рожденные в конце 60-х и позднее, социализировались уже в годы горбачевской "перестройки", а затем — ельцинской "борьбы за суверенитет" и выступают опорой социальных и экономических реформ 90-х годов, нынешнего и ближайшего будущего времени**.

В процессе смены трех этих поколений произошли серьезные трансформации статусно-ролевой структуры общества, его цивилизационного потенциала, соответствующих ориентаций и позиций людей. Именно данные обстоятельства — вкуче, конечно же, со многими другими — может быть, наиболее заметно повлияли на взаимные оценки поколениями друг друга, предопределили механизмы и стандарты их взаимоотношений. Они, по преимуществу, и будут предметом рассмотрения в данной статье. Приведем результаты июньского мониторинга 1994 г. (см. табл. 14).

Если взять за основу поколенческое измерение, то более заметные преимущества в уровне образования, жилье (т.е. в образе жизни, вещном окружении, технической оснащенности среды) и в меньшей мере — в общественном положении получили, по сравнению со своими родителями, нынешние "отцы" и "матери". (Причем выигрыш в образовании — преимущество специалистов, т.е. технической и гуманитарной интеллигенции, а в жилье — служащих без специального образования, включая сферу обслуживания.) На годы их социализации и начала взрослой — профессиональной, семейной — жизни пришлось урбанистическая, техническая и образовательная "революция", и тут свое преимущество ощущает не менее трети поколения. Превосходство этого поколения в доходах скромнее и вообще дифференцировано по поколениям достаточно слабо. А наименее ощутимы для респондентов сдвиги по одному признаку — по приобретенному социальному статусу.

* Подробнее см.: Левада Ю.А. Проблема интеллигенции в современной России.—В кн.: Куда идет Россия: альтернативы общественного развития. Вып. I. М., 1994. С. 208—214; Гудков Л., Дубин Б. Идеология бесструктурности: Интеллигенция и конец советской эпохи // Знамя. 1994. № 11. С.166—179.

** Данная работа продолжает наши предшествующие публикации по теме, см.: Зерцало юности // Свободная мысль. 1993. № 9. С. 54—65; Старшие и младшие: три поколения на переходе // Дружба народов. 1994. № 2. С. 159—170; Молодежь в ситуации социального перелома // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1994. № 2. С. 14—19 (в соавторстве с Н.А.Зоркой) и др.

* Eisenstadt S.N. From generation to generation. N. Y., 1966.

** Mannheim K. The problem of generations // Mannheim K. Essays on the sociology of knowledge. L.—N.Y., 1952.

Если сравнить Вашу жизнь с жизнью Ваших родителей, когда им было столько лет, сколько Вам сейчас, то что из перечисленного лучше в Вашей жизни, чем в жизни Ваших родителей?
(В % к числу опрошенных; 2958 человек; 100% — опрошенные в данной социально-демографической группе; сумма ответов превышает 100%, поскольку респондент мог дать несколько ответов на вопрос)

Группы	Преимущества				
	Доход	Образование	Положение в обществе	Возможность отдохнуть	Жилье
<i>Возраст:</i>					
до 24 лет	26	24	5	18	29
40—55 лет	26	32	10	7	36
старше 55 лет	21	19	5	5	29
<i>Образование:</i>					
высшее	30	51	20	7	34
ниже среднего	21	13	2	6	28
<i>Социально-профессиональный статус:</i>					
руководители	43	49	37	11	35
специалисты	26	44	12	12	37
служащие	27	25	10	12	47
квалифицированные рабочие	24	21	2	10	29
неквалифицированные рабочие	19	15	2	7	22
учащиеся	29	34	5	18	34
пенсионеры	21	18	4	4	28
домохозяйки	24	24	3	10	29
<i>Сектор экономики:</i>					
государственный	24	29	8	10	33
частный	42	28	8	21	43
<i>Уровень доходов:</i>					
низкий	16	23	3	7	28
высокий	38	35	11	16	38

Статус как бы "суммирует" в себе оценку и признание достижений индивида разными социальными группами по нескольким наиболее существенным для идеологии данного общества осям (т.е. по мерке его фундаментальных ценностей). Для развитых обществ — это оси образования, дохода, квалификации, качества жизни и некоторые другие. Обобщенная статусная отметка переводит индивидуальное достижение во всеобщее социальное достояние, превращая динамический импульс в элемент стабильной и воспроизводящейся структуры общества, тем самым соизмеряет и интегрирует в систему различные группы с разными достиженческими показателями, профилями ценностных предпочтений.

В обществе же "советского типа" системы разрешенного социального продвижения, с одной стороны, и воспроизводства заданного и достигаемого базового уровня — с другой, жестко отделены друг от друга*. Точно так же разобщены и системы кодифицирующих их значений — тиражируемая с помощью масс-медиа официальная идеология и принципиально устные коды описания и оценки "непубликуемой" повседневной реальности коммунальных, коллективных, семейных, бытовых отношений (включая нецензурную брань, блатной язык, различные групповые и кружковые аргы и т.д.**). Отсюда — нередкое среди исследователей чувство, что разные ценности

и ценностные порядки связаны в данном типе общества как-то "навыворот", "неестественно", а стоящие за ними социальные силы и институты взаимодействуют на неких иных основаниях и по другим, "неклассическим" правилам.

Анализ ответов на один и тот же сопоставительный вопрос по другим социально-демографическим параметрам показывает, что ни высокие доходы, ни уровень квалификации, ни принадлежность к частному сектору не дают для респондентов значимого прироста в общественном признании. Уровень же образования, конечно, дифференцирует доходы, но влияет на них куда менее заметно, чем на общественное положение. Успех, положение в обществе и общественное влияние вообще крайне слабо связаны в сознании наших респондентов. Два последних компонента входят в представление об успехе не более, чем у 4—6% опрошенных (августовский мониторинг 1993 г.). Напротив, больше всего возможностей для успеха дают сегодня "богатство" (в июне 1994 г. подобное мнение разделяли 46% опрошенных) и "власть" (30%). Таковы структурные дефициты советского общества, его социальной организации, стратификационной системы.

Поэтому не слишком удивляет, что для половины ответивших на вопрос в ноябрьском мониторинге 1994 г. "дедов" и "отцов" успех, признание вообще неважны (среди "детей" их считают важными две трети ответивших). Сколько-нибудь массовые, в том числе поколенческие, импульсы к достижению в подобных условиях гасятся самой структурой общества, "двуслойным" устрой-

* См.: Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х. С. 49—65.

** Там же. С. 82—87; Елистратов В. Словарь московского арга. М., 1994.

Таблица 15

Дифференциация по уровню образования жителей поселений разного типа (в % к числу опрошенных; 2957 человек; 100% — жители данного типа поселений)

Тип поселения	Образование		
	ниже среднего	среднее	высшее и незаконченное высшее
Москва и С.-Петербург	21	50	28
Большие города	29	50	20
Малые города	37	52	12
Села	56	38	6

ством его смысловых систем ("двоемыслием", "двоеречием", "двоедушием"). Оценка же общественного положения предопределяется принадлежностью к административной головке, к руководству, начальству. Как видно из табл. 14, именно данная группа заметно — на уровне примерно каждого второго — выиграла в сравнении с родительским поколением по подавляющему большинству значимых показателей: положению, доходам, образованию. (Характерно, что частным бизнесом занят, по данным ноябрьского мониторинга 1994 г., каждый четвертый среди руководителей, 28% их являются владельцами и совладельцами своего предприятия.) И лишь по расширившимся "возможностям отдохнуть" среди всех групп лидирует молодежь и во многом из нее же состоящий частный сектор: для них и смысл отдыха в сравнении с родителями, конечно же, другой: не "отоспаться внаследие", а "оттянуться в полный рост".

Социальные изменения и адаптация к ним разных групп и слоев в подобных условиях могут происходить, быть как-то осознаны или хотя бы пост-фактум признаны лишь в привычных, "естественных", традиционализирующих формах. Одна из таких форм, не единственная, но в данных обстоятельствах претендующая на роль главной, — это смена поколений. Причем из-за ригидности всей системы организации общества и идеологического консерватизма интеллектуальных слоев подобные перемены, чтобы быть опознанными и узаконенными, должны набрать известную, достаточно большую критическую массу и накапливаться долго и "незаметно", в результате чего различия приобретают значимость лишь для крайних, полярно противостоящих друг другу точек и только тогда начинают "бросаться в глаза". Такими полюсными точками в нашем обществе являются, с одной стороны, крупные города с более или менее развитой промышленной и культурной структурой, пространством профессионального и бытового выбора, высоким образо-

вательным и квалификационным уровнем, соответствующими цивилизационными стандартами благ и удобств (областные или краевые центры, еще лучше — столицы). Другой полюс — малые городские населенные пункты, поселки, а фактически — "спальные" слободы при крупном предприятии-монополисте, чаще всего относящиеся к ВПК.

Данные ноябрьского мониторинга 1994 г. о том, как дифференцируются по уровню образования жители поселений разного типа, приведены в табл. 15.

Цивилизационные сдвиги, происходившие в каждом новом поколении городских жителей, можно видеть из ответов наших респондентов об уровне технизированнойности их домашней среды и жизненного мира (а соответственно, структуры и форм самопонимания и символически-опосредованного общения) в ходе того же ноябрьского опроса в 1994 г. Опрошенные отмечали в предложенном списке те предметы, которые есть у них в семье, — приведем лишь некоторые (см. табл. 16).

Молодежь столицы и крупных городов лидирует — и по большинству позиций с серьезным отрывом — в обладании практически всем перечисленным набором из 15 предметов. Кроме того, отметим дачу, загородный дом (он есть в семьях 35% молодежи), автомобиль (21%), радиочасы (20%), компьютер (10%).

Таким образом, "общественное положение" в недоиндустриализированной стране при монополизированных властью каналах и оценках социального продвижения большинство — особенно в поколении "отцов" — связывает с положением и образом жизни более образованного и урбанизированного слоя. Иначе говоря, меряет его по образу и подобию интеллигенции, служащих с дипломом, "чистой публики", как сказали бы в старой России, или "культурных людей", как стало принято говорить в России новой. То есть "положение" в данном случае оценивается, скорее, по оси общей цивилизованности, "культурности", чем социального статуса или признания, престижа как таковых.

Отсюда следует, что в статусном плане образование, при всей его значимости как фактора мобильности на первых этапах урбанизации и технической революции, не является, да и не может быть в подобных условиях независимой переменной. Оно дает прирост статусной самооценки прежде всего в глазах самой интеллигенции. Но с годами эта оценка все реже поддерживается другими группами, поскольку очевидным образом не подкрепляется социальным положением интеллигентов и не согласуется с дефицитными для большинства групп ценностями дохода, власти, материального положения. Впрочем, двойная оценка интеллигента задана с самого начала официальной реабилитации данной "прослойки" советской властью во второй половине 30-х годов. Так что позднее "шляпа", "очки" или "галстук" служат и притя-

Таблица 16

Какие предметы есть у Вас в семье? (В % к числу опрошенных; 100% — респонденты данной социально-демографической группы.)

Социально-демографические группы	Достояние					
	Цветной телевизор	Стереосистема	Фотоаппарат	Миксер	Видео	Ничего
До 24 лет	81	51	45	39	20	6
40—55 лет	73	26	32	28	10	14
Старше 55 лет	55	7	14	10	2	32
Москва и Санкт-Петербург	87	37	52	53	31	7
Большие города	78	33	36	32	11	9
Малые города	71	28	28	27	12	17
Села	58	22	20	16	8	27

гательными символами "чистой жизни", объектом ориентации других новоприобщенных к городским стандартам групп и вместе с тем уничижительными признаками социальной недееспособности, неприспособленности, "безрукости" образованного сословия, показанными в лакированных киносагах 40—50-х годов и циклопических романах-эпопеях 70-х годов.

Расхождения в возможностях и оценке достижений большей и все большей на протяжении 60—70-х годов массы людей по основным параметрам стратификационной решетки — доходу, образованию, месту в обществе и т.д. — все меньше могли компенсироваться второй ("черной", "серой") системой дефицитарного перераспределения престижей, символов и благ. Накапливающийся потенциал личной нереализованности и социальной стагнации становился для поколения 40—55-летних фактором эрозии советского общества как системы, обесценивал его идеологию. Вместе с тем нетребовательность и непризнанность поколения "отцов" (а для некоторых из них, особенно в интеллигентском слое, и программный отказ от благополучия, положения, карьеры) выступали объектом отрицательной оценки и отторжения для следующих за ними "детей". Они расценивались не как фазовая особенность данного конкретного поколения или волевой выбор той или иной его части, а как принципиальная и неотъемлемая характеристика самого общества, свидетельство его социальной нежизнеспособности.

При этом ключевой для данной социальной системы механизм негативной идентификации и двойного сознания — рессантимента и взаимного отталкивания групп, включая поколенческие, — работал следующим образом. В качестве позитивных в достоянии социальных "других" — "дедов", "отцов" — и стартового уровня для следующих поколений каждый раз выделялись признаки достижения. Но одновременно они распределялись с групповыми усилиями и опытом и переозначивались так, что, с одной стороны, расценивались в качестве нормы, само собой разумеющегося, а с другой — лишались социальных маркировок и выступали показателем "чистой" культурности, цивилизованности, владение навыками которых закреплялось за собой как собственное достижение, достижение и отличие. Вместо передачи или просачивания образца осуществлялись его символическая девальвация, а затем экспроприация и присвоение. Репродукции же подлежала заданная межгрупповая дистанция, "разрыв".

И если самооценку интеллигенции другие группы с годами разделяли все реже из-за снижающейся в статусном плане авторитетности "ИТРов" и "училок" в массе населения, то от высокой самооценки начальства остальных отделяли статусно-иерархические барьеры, делавшие социальное продвижение для абсолютного большинства практически недостижимым. Отсюда меньшая, особенно у более старших возрастных категорий, значимость в семантике "успеха" таких признаков, как "общественное положение", "признание", "влияние в обществе", при ведущей роли таких составляющих, как "доход" и "материальные блага" (по данным августовского мониторинга 1993 г.).

Все эти долговременные обстоятельства и предопределили расхождение смысловых ориентиров, жизненных траекторий, оценок ситуации и перспектив у молодежи и более зрелых поколений в нынешних условиях. Речь идет о России, вынужденной так или иначе отказаться от своих имперских амбиций после краха официальной советской идеологии и спада перестроечной идейной мобилизации конца 80-х годов, при снятии ограничений на жизненную инициативу и начале прорывных экономических реформ 90-х. Как свидетельствуют данные оп-

росов ВЦИОМ, именно более образованная молодежь крупнейших городов и столицы из года в год лидирует как в общей поддержке реформаторского курса и даже олицетворявшей его до последнего времени фигуры президента, так и особенно в либерализме общеэкономических ориентаций и, наконец, в реальных предпринимательских достижениях. Дистанцируясь от прямой политической вовлеченности и идеологического гипноза, молодежь сосредоточена на ликвидации структурных дефицитов советской системы организации общества и активнее других добывается здесь значимого успеха — высокого уровня доходов, разнообразия материальных благ, более привлекательного стиля жизни.

Наиболее распространенные позиции старших в нынешних условиях — сознание невозможности в них вписаться (так оценивали положение вещей в ноябре 1994 г. 36% респондентов старше 55 лет) или чувство, что "ничего не произошло" (29% в этой группе). Причем главные ограничения здесь — не физические, а ценностные, идеологические. Вот как распределяется готовность работать на частного собственника в разных поколениях (ноябрь 1994 г., в % к числу опрошенных):

	Ни за что не станут	Готовы	Затрудняются ответить
Молодежь	21	64	15
Средние	26	49	20
Старшие	43	27	29

Тяжелее других переносит ситуацию, пытаясь к ней приспособиться, среднее поколение: им чаще других приходится "крутиться", зарабатывая на самое необходимое, в том числе на образование детей (на это указали 38% данной группы). Молодежь в минимальной мере подвержена дезадаптации (на невозможность приспособиться указали 10%), но в сравнении с другими поколениями максимально использует новые открывшиеся возможности (она же их в наибольшей степени и ценит): каждый десятый молодой респондент начал собственное дело, сумел полнее реализоваться и т.п. Сегодня каждый четвертый из работающих молодых респондентов (23%) называет основным добытчиком в семье себя, практически такая же доля молодежи (21%) имеет дополнительные приработки (среди их "отцов" — 17%, "дедов" — 9%).

Среди старших (особенно людей с низким образованием и доходом) заметно преобладает возмущение "современной молодежью" (53—54% при 34% ей "по-хорошему завидующих"). Одобрение и неодобрение столь же однозначно дифференцированы и по типам поселений: возмущаются молодежью чаще всего жители села и малого города, "по-хорошему завидуют" ее возможностям жители Москвы и Санкт-Петербурга.

Вместе с тем обвинения молодежи в узком "меркантилизме" и "потребительстве" продиктованы чаще всего прежней "идеологией подопечных" с ее отказом от достижения, демонстративной нетребовательностью, показным равнодушием к деньгам и пр. Как раз молодежь заметно выше других групп ценит не только экономические реформы, но и общедемократические перемены последних лет (см. табл. 17).

Из-за экономического "прагматизма" молодежи, так бросающегося в глаза журнальным публицистам, редко обращается внимание на коренные перемены во всей системе самопонимания и самосоотнесения молодых россиян, в том числе в их национальной и государственной идентификации. Старшие, а отчасти и средние поколения (для большинства и тех и других до 1985 г. "было лучше") в значительной мере сохраняют прежнюю структуру самоидентификации. Ее несущей осью явля-

Таблица 17

Привнесли больше пользы или вреда... (в % к числу опрошенных; затруднившиеся в ответах не указываются)

Возрастные группы	Свобода слова		Свобода предпринимательства		Сближение с Западом	
	польза	вред	польза	вред	польза	вред
Молодежь	65	11	63	16	62	10
Средние	53	24	41	31	44	21
Старшие	39	33	23	38	31	27

ется представление о "заботливой", "авторитетной" и "честной" власти: мнение о том, что власть до перестройки была именно такой, разделяет сегодня большинство старших (от двух пятых до половины). Приоритеты молодежи в этом смысле перемещаются на независимое местное руководство, предпринимателей, образованное и квалифицированное меньшинство. Представляют интерес поколенческие различия на предельном, социальном уровне идентификации (в % к числу опрошенных):

Чувствуют себя

	русскими		советскими	
	постоянно	никогда	постоянно	никогда
Молодежь	56	5	21	33
Средние	69	4	38	12
Старшие	72	3	47	12

При этом в семантике "страны", "народа" для средних и старших поколений чаще среднего выделяются значения "государства", "территории" (их удельный вес для россиян в целом за последние годы несколько снизился), а для старших — смысловые оттенки "традиции" (прошлое, обычаи и др.). Для младших же по возрасту респондентов значимее стали символические значения "истории", "языка", "природы".

С этой диверсификацией ценностей связаны и разные "программы" старших и младших поколений на будущее, в частности их представления об оптимальном образовании и профессии собственных детей и внуков. Старшие поколения (чаще женщины, жители небольших городов и сел) хотят, чтобы школа уделяла больше внимания таким дисциплинам, как труд, домоводство, родной язык и литература, Закон Божий. Молодежь (особенно предприниматели, жители крупных городов и столицы) склоняется к общественным наукам, компьютерной грамотности, физкультуре, сексуальной гигиене, делопроизводству, истории (и в меньшей мере религии, родному языку и литературе).

Представления о приоритетах профессий у старшего и среднего поколений несут следы начальных фаз государственной модернизации, когда самыми необходимыми были рабочие руки, "белые воротнички" (и подворотнички на кителе). Поэтому они прежде всего хотели бы видеть свое потомство врачами, учителями, инженерами (каждый третий), квалифицированными рабочими (каждый четвертый), военными (каждый седьмой-восьмой). Приоритеты молодежи во многом новые: директор банка (его отметили 23% молодых респондентов), бизнесмен и спортсмен (по 20%) и лишь затем врачи, учителя и т.д. (17%; впрочем, в рыночной ситуации меняется содержание работы, доход, статус и этих профессий). Однако новые представления постепенно проникают уже и в сознание более зрелых поколений: директора банка отметили 7% старших и 12% средних, бизнесмена — 7 и 17%, соответственно.

Б.В.Дубин

3. Распределение доходов: бедные и богатые в постсоциалистических обществах (некоторые результаты сравнительного анализа)

Для всех бывших социалистических стран характерны общие процессы, влияющие на уровень и динамику изменения денежных доходов. Это спад производства, рост безработицы, инфляция, ведущие к снижению оплаты труда, пенсий, различных пособий, а в целом — к уменьшению реальных доходов населения. Результатом перечисленных процессов явилось, по свидетельству исследователей из разных стран, возрастание доли населения, живущего в бедности и даже в нищете*. Расширяющаяся бедность становится тормозом на пути движения к рыночной экономике, демократическим преобразованиям в обществе. Возникают вопросы, за счет каких слоев происходит расширение бедности, является ли эта бедность результатом кратковременного, связанного с инфляцией снижения зарплаток, пособий, пенсий или это более глубокий процесс, свидетельствующий об изменении социальных позиций разных групп в обществе.

Одновременно с расширением бедности происходит и процесс концентрации денежных средств в определенных социальных группах, что означает формирование слоя богатых людей. Однако их изучение средствами социологии наталкивается на ряд ограничений. Очень богатые люди, которые имеют состояния, эквивалентные сотням тысяч и миллионам долларов, практически не попадают в выборку массовых опросов и в эмпирических исследованиях речь может идти лишь об изучении слоя зажиточных людей. И тем не менее представляют интерес ответы на вопросы, кто сумел стать более зажиточным, чем остальные граждане, сохранилась ли "преемственность" между теми, кого в социалистический период называли высокодоходными или высокообеспеченными людьми, и нынешними богатыми.

Хотя глубокие изменения в доходах и уровне жизни являются общей характеристикой постсоциалистических стран в переходный период, в каждой из них эти процессы протекают по-разному, поскольку зависят от уровня жизни, доходов населения к моменту активного перехода к рыночной экономике, структуры экономики, позволяющей более или менее безболезненно проводить ее перестройку, реально накопленного в обществе опыта таких широкомасштабных экономических и социальных преобразований.

В данной статье мы уделяем основное внимание следующим вопросам: кто сегодня формирует слой богатых, каковы условия или каналы, обеспечивающие зажиточность или богатство, каковы факторы, определяющие бедность в нынешних условиях? Сохранили ли свое высокое положение те группы, которые имели его раньше; получили ли группы, ранее находящиеся в депривированном положении, возможности изменить его в лучшую сторону?

Информационной базой для анализа послужили данные социологических исследований, проведенных по идентичной методике в пяти бывших социалистических странах — Болгарии, Чехии, Венгрии, России, Словакии**.

Определение категорий "бедность" и "богатство". В социальных науках сложились два подхода к определению данных категорий.

* Andorka R., Speder L. Poverty in Hungary: report (in publishing); Zubova Л., Ковалева Н., Хахулина Л. Бедность в новых экономических условиях // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1994. № 4. С. 25—30.

** Данные исследования были выполнены в рамках международного проекта "Социальная стратификация в странах Восточной Европы после 1989 г." (руководители проекта проф. Д.Трейман, проф. И.Селени. Университет Калифорнии, Лос-Анджелес).